
Социалистический
Механополис
Кир Неизвестный

Симфония космических грёз

Кир Неизвестный

Социалистический Механополис

«Автор»
2026

Неизвестный К. Н.

Социалистический Механополис / К. Н. Неизвестный — «Автор», 2026 — (Симфония космических грёз)

1965 год, альтернативный СССР. После разгрома фашистской Базы 211 в Антарктиде советская наука получила внеземные технологии — и в Евпатории поднялся Механополис: город на летающих платформах, где механоиды строят, поют и служат человеку, а «Громкоговорители Победы» вещают о светлом будущем. Академик Артоболевский, отец первых механоидов, узнаёт, что его творения могли стать орудием предательства и вмешательства западных спецслужб. Начинается борьба со временем и вероломством бывших соратников.В городе Механополис внедрён вражеский агент, КГБ ведёт расследование, а нейросеть, попавшая под влияние врагов, вот-вот подчинит всё живое. Итак: Машина — не замена человеку? Но кто напомнит об этом, когда машины замолчат?

© Неизвестный К. Н., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Предисловие 5
Глава 1. Снежная Королева 15
Конец ознакомительного фрагмента. 24

Кир Неизвестный
Социалистический Механополис

Предисловие

1957 год. Антарктида. База 211.

Сергей Владимирович Горюнов, еще в пятьдесят четвертом, когда обнаружили эту фашистскую Базу, стал обращать внимание на несовершенства человека в разных его проявлениях. Один раз увидел, так и не смог потом на ЭТО смотреть по-другому, без оценки, без осуждения. Кто же придумал этих существ? Какой больной разум воплотил в жизнь свои извращенные фантазии?

- Уродство!

Так многие справедливо могли бы воскликнуть, в ужасе смотря на произведение бесчеловечных опытов, а возможно и выращенных искусственным образом. А для него наступило некое упоение, абсолютное возвышение в трансформации человеческого тела. Он знал, что это результат взращивание в чанах, наполненных биологическим материалом, и потому, конечно же он знал об этом, не было никаких опытов над людьми – они сразу становились такими.

Существа, замотанные в тряпки и бинты, будто мумии, и после обнаженные в хирургических кабинетах, являли собой тела наполовину человеческие, а наполовину… Одним словом они будто были кентаврами – все до единого воплощенные в женских телах, но от пояса неестественно выросшие и удлинившиеся, и оттого представлявшие особое изящество в движении и эстетику, там, где это было либо невозможно, либо чрезвычайно сложно исполнимо для человека. Бывало, так прислонялось ОНО (Горюнов пока так и не решался присвоить пол существам) к стене, а тело волной изгибалось и перетекало, принимая самые плавные формы.

Тонкие лодыжки, идеальной формы и выверенной длинны ноги, тело плавно плыло формами, и вместо привычных пропорций до первых ребер, вытягивалось на невероятные метр шестьдесят, а у некоторых и метр восемьдесят, отчего при ходьбе мягко и изящно покачивалось, волнообразно перетекало из одного положения в другое. Картину дорисовывало миловидное женское лицо и высокая грудь, что добавляло очков очарованию, и вместе с тем, все более тонувшем в восхищении комиссару. Именно тогда ему и пришла эта навязчива мысль о превосходстве механизмов над человеческим телом после того, как он, прибывший в советскую Евпаторию, в разгар сезона, тщетно пытался отыскать похожие тела на пляже:

- Добиться «победы механического разума над человеком». Человеческая плоть несовершенна, и единственный путь эволюции — полное слияние с машиной.

Что он увидел впервые в пятьдесят четвертом, там, на Базе 211, в Антарктических льдах, перевернуло его представление о будущем советского прогресса. Именно в том году созрела идея Технокоммунизма в своих ярких проявлениях, и именно тогда, правда Горюнов и не знал еще этого, зародилась идея Механополиса, как прогрессивного города, воплощающий в себе передовые технологии.

Но была и обратная сторона медали, о которой комиссар не подозревал, и ему это показала База 211. Показала, что он, одновременно на верном страшном пути и теперь остаются лишь несколько, но важных шагов. Он провалился в воспоминание о том, как все начиналось:

Сергей Владимирович Горюнов, боевой офицер в упраздненной должности - полномочный представитель Верховного совета по вопросам полярной безопасности и ресурсного освоения, а ныне представлявшийся ответственным комиссаром за внедрение экспериментальных

технологий и тяжёлой бронетехники в условиях криогенных зон, что нравилось ему гораздо больше, широкими шагами мерил стальной пол своей каюты.

Каюта была обставлена с редким вкусом и расположением к творчеству: желтый свет ламп из-под шелковых абажуров, мягкие полутени на стенах, фотографии европейских довоенных городов, Цепеллины и джентльмены, смотрящие в длинные трубки телескопов. Здесь и он сам бы был не прочь остановиться на некоторое время, поработать, но останавливала генетическая память последней войны, от которой противный озноб пробирал до костей. Хорошо, что эту базу нашли граждане Советского Союза, а не НАТО или еще более провокационной западной организации.

Он вновь окинул взглядом каюту - ранее она принадлежала местному доктору, занимавшемуся бесчеловечными опытами над своими же согражданами, в попытке получить сверхчеловека. Что-то вроде доктора Менгеле, только подписывающийся во всех документах и дневниках Марком. Доктора, по понятным причинам, арестовать не удалось, Марк успел уйти от тщательно спланированной облавы куда-то на нижние уровни Базы, и теперь сам черт не отыщет его. Нижние уровни даже сейчас были под запретом из-за своих почти мистических свойств и проявлений аномалий. Впрочем, советским войскам уже удалось многое отвоевать у этих людоедов (последних недобитых фашистов не хватало духу называть людьми). Среди прочего были биологические чаны для выращивания человеческой плоти на основе некого вещества, называемого Марком «синтетмером», а также сотни боевых машин разной направленности и могущества, описанные в дневниках как Антаркторы – огромные бронированные механоиды на двух ногах на основе дизельных технологий. Но среди них были и те, что представляли из себя биологическую мутацию, смесь человека и машины. Последние были особенно ужасны.

Каюта была полностью создана из дешевого сплава чугуна с металлом неизвестной структуры, но тщательно это скрывала за обстановкой, образуя одновременно мощную защиту и пластичность более мягких материалов, оттого добавляя неразгаданных загадок советским ученым. Звука его шагов не было, да и вообще, как казалось, большинство звуков просто проваливалось сквозь толщу материалов и там, в глубине слоев застревала навечно. Но так было не со всеми звуками, многие из них, созданные на самой базе и имевшей подоснову ультразвук, как было доказано совсем недавно, легко просачивались в любое помещение практически неискаженными, а порой, так тоже бывало, усиленными. Вот как сейчас:

Прогремела истошная сирена, кровавым пульсом забился красный электрический свет тревожных ламп, пол под ногами дернулся. Горюнов метнулся к столу, схватил загубную капу, прикусил до боли зубами - сейчас начнется очередной «выверт». Пульс набирал силу, кровавые блики били плетьми по стенам, полу и потолку, окрашивали в цвет крови белки глаз.

Началось.

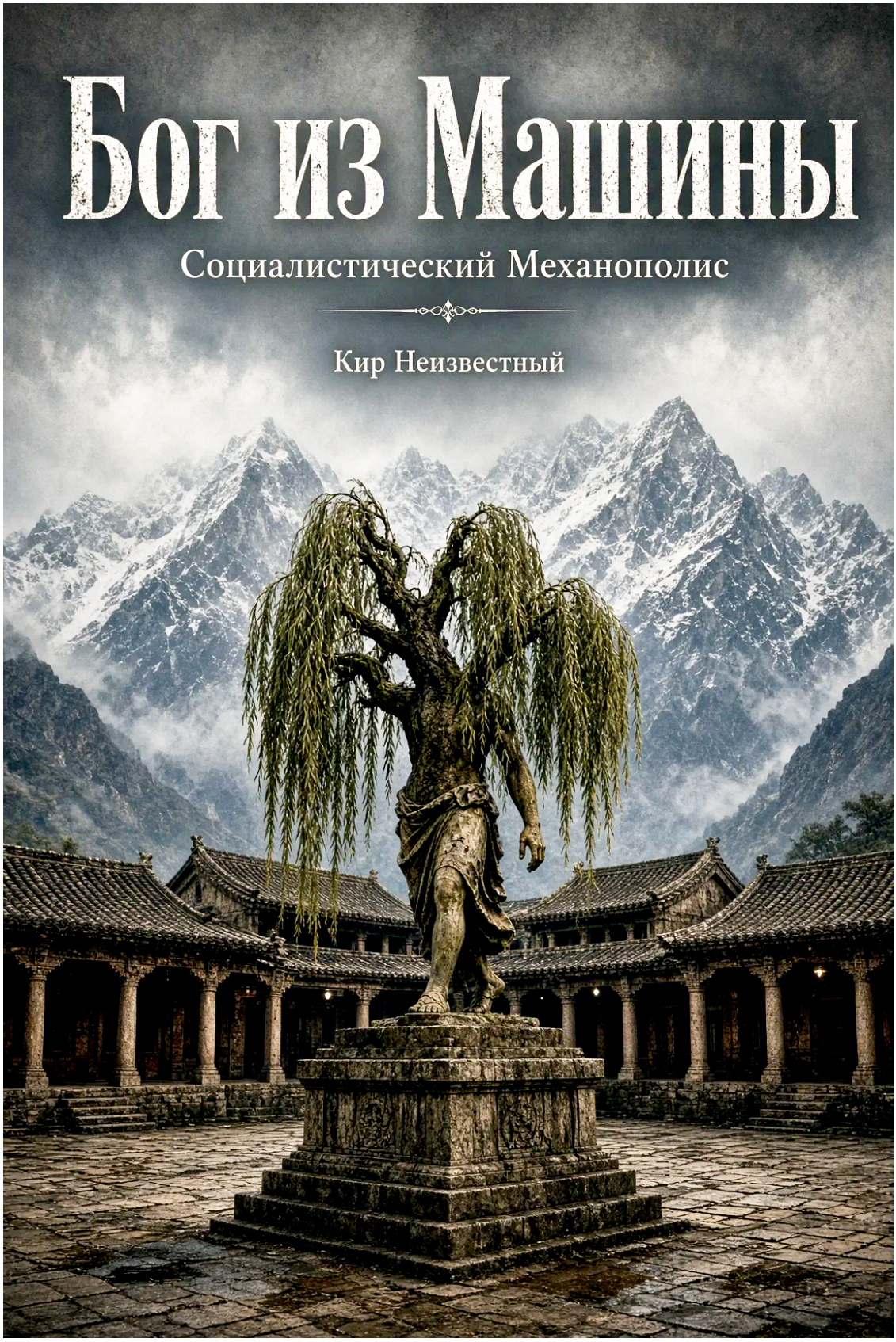
Ржа поползла по стенам и потолку, разъедая металл в труху, а тот осыпался вокруг него лохмотьями. Стены и потолок прожгло дырами и в них уже видна привычная картина – в чанах, наполненных желтым, плавятся человеческие останки, всплывают руки и ступни. Будь прокляты эти мерзопакостные фашисты со своими экспериментами! Советские солдаты, конечно, нашли все эти лаборатории, нашли чаны с желтым веществом, но никаких человеческих останков в них не было!

Пол дрожал, металл крошился ржавой бахромой, а воздух вокруг настолько уплотнился, что казалось еще немного, и его раздавит. Но комиссар знал, что финал «выверта» уже близко, хотя последние разы усилились в своих проявлениях. Механическое биение замедлилось, ржа больше не разъедала металл, и тот уже восстанавливал свои свойства. Группа советских научных сотрудников, присутствовавшая в большом количестве на базе, опытным путем доказала, что «выверты» не более, чем реакция на ультразвук, что распространялся с нижних ярусов, пока не обследованных военными. И еще то, что «выверты» абсолютно никаким образом не

изменяют физические свойства материалов. Солдаты не дошли до них по простой причине, что просто не хватало ресурсов гвардейской дивизии отдельной арктической группы особого назначения Белый вихрь имени адмирала Михаила Петровича Лазарева.

Но именно сегодня «выверт» не закончился как обычно: комиссара лихорадило, пот крупными каплями, будто бисер выступил на лбу, а потом, слипаясь в большие фракции, формой напоминавшие арахисовую скорлупу, падал вниз, не в силах больше удерживаться. А другие капли затекали под веки к глазам, солью разъедали картинку окружающего пространства, и тогда становилось совсем плохо. Муть перед глазами, мелкая дрожь по телу и совершенная невозможность как-то повлиять на это: тело заклинило кататонией, и он прежде, чем испугаться, подумал о том, что неужели у всех такая же реакция.

Ударила истошная сирена, но было ощущение, что слышит он её только один. А потом, сквозь солевой туман пота, он начал различать силуэт и новые незнакомые образы. И когда внутренний взор, а то, что взор был внутренним – комиссар почти не сомневался, прояснился, он увидел:



Буддийский дворик при храме, состоящий из трех одноэтажных построек, укрытых керамической черепицей, на крышах покоится прошлогодняя испепеленная солнцем и изъеденная погодой листва, за двориком неузнанные горы. На небе полупрозрачные редкие облака и ясный, кристальный ультрамарин. Постройки хранят внутри себя спокойную темноту, которая

не спешит показывать себя. На переднем плане изувеченная фигура какого-то бога. У Горюнова не случилось приступа неверия – то, что статуя принадлежала богу, он поверил, не подвергая факт сомнению. Тело видно до пояса – крепкие ноги стоят в такой позиции, будто бог собирался выйти. Но беда была в том, что от пояса это уже не было человеком, в привычном смысле. Из середины статуи вырастала мощная ива, ветвями уходившая вправо и влево, и вверх, заслоняя собой величественные хребты. Дерево лениво покачивает ветвями, завораживает плавными мягкими движениями, а потом дерево-бог легко, без надлома, перегибается пополам, наклонятся над Горюновым и шепчет на незнакомом языке, но так, что Сергей Владимирович все понимает:

- Бог из машины. Ты первый.

Товарищ Пётр Сергеевич Зимин. 1964 год, Москва. Еще Не агент иностранной разведки. Разбор причин предательства

Осенний ветер пытается оторвать липкую влажную листву от мокрого асфальта, и потом отчаявшись, горько вздыхает и улетает в то место, где еще есть возможность поиграть с брошенными кем-то вещами. Петр Сергеевич, средних лет, подающий надежды инженер-энтузиаст, специалист по передовому внедрению механоидов, шел по парку, украшенному яркой огненно-рыжей листвой и в отчаянии хлестал тонким гибким прутом случайную листву. На плечах пальто чуть лучше, чем у тех-кто-рядом, такого же фасона фетровая шляпа, белая рубашка, подтяжки, галстук, усы и челка, закинутая вбок – почти все так, как у всех, кроме одного. Кроме того, что зреет внутри. Окружающие красоты его не будили, плыли пятнами мимо. Рядом, пятном набухла информационная стойка, в ней объявления, награждения, информация. Подумав, что станет легче от ощущения того, что у кого-то лучше, чем сейчас у него, подошел ближе.

На стенде. За прозрачным стеклом, в черно-белой печати висит разворот газеты «Механополис. Правда», датированный прошлым годом. На фотографиях справа и слева от текста изображено огромное помещение, освещенное огромными хрустальными люстрами, желтый свет льет тепло на собравшихся. На трибуне выступает мужчина, его рука в требовательном жесте поднята к потолку, ладонь превратилась в кулак. На втором изображении этот же мужчина крупным планом, интеллигентного вида и в очках в тонкой оправе, дет интервью хрупкой привлекательной девушке. Текст гласил:

МЕХАНОПОЛИС ПРАВДА

11 мая 1963 год

- Наша ответственность перед всем человечеством, словно витки спирали, будто своеобразное крещендо, должно стимулировать прогресс, обязано расти и обрастать новыми обязанностями и правами. Мы, как ответственная за будущее планеты страна, должны подняться в едином порывы, должны объединиться и дать отпор всем современным и будущим вызовам человечности. Мы не должны, не можем допустить бесправия и мирового голода, несправедливого распределения ресурсов! Именно поэтому наша новая программа «Инициатива „Изобилие для всех“» направлена на достижения благополучия всеми людьми планета Земля! Но начнем мы изменения к лучшему с малого, с города Механополис, чтобы потом масштабировать на остальные города и мировые страны. Ниже приведу основные тезисы программы:

Идеологическая подоснова программы

Базовые приницы

- **Принцип гарантированного базового достатка**. Каждый гражданин Социалистического Механополиса имеет право на базовый набор благ (продовольствие, жильё, одежда, базовые услуги), кторый не зависип от текущей занятости и предоставляется государством как социальная норма.
- **Трудовая справедливость как основа распределения**. Долоннительные блага и привилётии распределяются по вкладу в общее дело: чем выше сложность, опасность или значимость труда, тем выше надбавки и возможности. Это сохраняет мотивацию к труду прии устранении нищеты.
- **Автоматизированный труд ради человеческого досуга**. Роботы, киберсистемы и механокомплексы берут на себя рутину и тяжёлую работу. Цель — освободить людей от изнурительного труда и направить их энергию на творчество, науку, спорт, искусство и личное раззитие.
- **Ликидвация голода как первоочередная задача**. Продовольственная безопасность достигается за счёт централизованного планирования, автоматизации сельского хозяйства, гидропонных комплексов и строгого контроля распределения. Голод объявляется недопустимым состоненем общества.
- **Устранение неравноправия через стандартизацию условий жизни.** Жильё, образование, медицина и трансрорт предстаавляется на единых стандартав качества, без классовых различий. Различия допускаются только по заслугам и потребностям (намример, для ученых или гереов труда.
- **Идея «разумного потребления и достойного досуга»**. Общество не поощряет избыточное потребление ради статуса, но гарантирует каждому право на отдых, спорт, культурные мероприятия и путешествия. Досуг — не безделье, а часть развития личности.

Механизмы реализации

- **Централизованный ресурсный план**. Все ресурсы (энергия, сырьё, продовольствие) распределяются из единого центра на основе потребностей и производственных мощностей.
- **Сеть автоматизированных распределительных центров.** Доставка базовых благ просходит без участия человека, по карточкам или бюометрическим данным, что исключает коррупцию и ошибки.
- **Система трудовых рейтингов**. Каждый гражданин имеет рейтинг, который растёт за счёт полезной дезтельности и снижается за паразитизм или саботаж. Рейтинг влиеет на достун к дополнительным благам и возможностям.
- Инфраструктурные проекты. Строительство «городов-садов» с автоматизированными фермами, жилыми кварталами и зонами досуга, где всё взаимосвязано и работает как единый организм.
- **Идеологическое воспитание**. В школах и на предприятиех прививается понимание, что изобилие — резльватт коллективного труда и автоматизации, а праздность — это не безделье, а время для саморазвития и вклада в культуру.

Философско-идеологический стержень

В основе программи лежит синтез социалистического равенства и технократического оптимизма: прогресс и автоматизация рассматриваются как инвсгрменты достожения социальной справедливости. Сытая праздность трактуется не как праздное бездельe, а как право на свободное развитие личности в условиях гарантированного достатка. Неравноправие устраняется не через уравниловку, а черес систему заслуг: общество признаёт разницу в талантак и усилиях, но гарантрует, что никто не окажется за чертой выживания.

город Механополис, Красный Зал 1963 год.

- Куратор – секретарь горкома Механополиса Товарищ Орлов.

Художник-оформитель товариц Николай Иванович Петров.

Корреспондент газеты «Механополис правда» товарищ Анна Сергеевна Волкова.

Архив газеты «Механополис правда» за 1963 год.

- Наша ответственность перед всем человечеством, словно витки спирали, будто своеобразное крещендо, должно стимулировать прогресс, обязано расти и обрастать новыми обязанностями и правами. Мы, как ответственная за будущее планеты страна, должны подняться в едином порывы, должны объединиться и дать отпор всем современным и будущим вызовам человечности. Мы не должны, не можем допустить бесправия и мирового голода, несправедливого распределения ресурсов! Именно поэтому наша новая программа «Инициа-

тива Изобилие для всех»» направлена на достижения благополучия всеми людьми планета Земля! Но начнем мы изменения к лучшему с малого, с города Механополис, чтобы потом масштабировать на остальные города и мировые страны. Ниже приведу основные тезисы программы:

Главные тезисы программы

Базовые принципы

Принцип гарантированного базового достатка. *Каждый гражданин Социалистического Механополиса имеет право на базовый набор благ (продовольствие, жильё, одежда, базовые услуги), который не зависит от текущей занятости и предоставляется государством как социальная норма.*

Трудовая справедливость как основа распределения. *Дополнительные блага и привилегии распределяются по вкладу в общее дело: чем выше сложность, опасность или значимость труда, тем выше надбавки и возможности. Это сохраняет мотивацию к труду при устранении нищеты.*

Автоматизированный труд ради человеческого досуга. *Роботы, киберсистемы и механокомплексы берут на себя рутину и тяжёлую работу. Цель — освободить людей от изнурительного труда и направить их энергию на творчество, науку, спорт, искусство и личное развитие.*

Ликвидация голода как первоочередная задача. *Продовольственная безопасность достигается за счёт централизованного планирования, автоматизации сельского хозяйства, гидропонных комплексов и строгого контроля распределения. Голод объявляется недопустимым состоянием общества.*

Устранение неравноправия через стандартизацию условий жизни. *Жильё, образование, медицина и транспорт предоставляются на единых стандартах качества, без классовых различий. Различия допускаются только по заслугам и потребностям (например, для учёных или героев труда).*

Идея «разумного потребления и достойного досуга». *Общество не поощряет избыточное потребление ради статуса, но гарантирует каждому право на отдых, спорт, культурные мероприятия и путешествия. Досуг — не безделье, а часть развития личности.*

Наши лозунги:

«Труд — основа, автоматизация — освободитель, досуг — право».

«Никто не должен голодать; каждый достоин покоя после труда».

«Равный старт, разные заслуги — разные привилегии».

«Сытая праздность — не лень, а пространство для творчества».

Механизмы реализации:

Централизованный ресурсный план. *Все ресурсы (энергия, сырьё, продовольствие) распределяются из единого центра на основе потребностей и производственных мощностей.*

Сеть автоматизированных распределительных центров. *Доставка базовых благ происходит без участия человека, по карточкам или биометрическим данным, что исключает коррупцию и ошибки.*

Система трудовых рейтингов. *Каждый гражданин имеет рейтинг, который растёт за счёт полезной деятельности и снижается за паразитизм или саботаж. Рейтинг влияет на доступ к дополнительным благам и возможностям.*

Инфраструктурные проекты. *Строительство «городов-садов» с автоматизированными фермами, жилыми кварталами и зонами досуга, где всё взаимосвязано и работает как единый организм.*

Идеологическое воспитание. *В школах и на предприятиях прививается понимание, что изобилие — результат коллективного труда и автоматизации, а праздность — это не безделье, а время для саморазвития и вклада в культуру.*

*В основе программы лежит синтез **социалистического равенства** и **технократического оптимизма**: прогресс и автоматизация рассматриваются как инструменты достижения социальной справедливости. Сытая праздность трактуется не как праздное безделье, а как **право на свободное развитие личности** в условиях гарантированного достатка. Неравноправие устраняется не через уравниловку, а через систему заслуг: общество признаёт разницу в талантах и усилиях, но гарантирует, что никто не окажется за чертой выживания.*

«город Механополис, Красный Зал 1963 год.

Куратор – секретарь горкома Механополиса Товарищ Орлов.

Художник-оформитель товарищ Николай Иванович Петров .

Корреспондент газеты «Механополис правда» товарищ Анна Сергеевна Волкова»

Нет, лучше не стало, только хуже. Развернулся и побрел прочь в промозглую осень, впрочем, не замечая очевидного. Казалось, что внутренний пожар потух вместе с сырыми липкими туманами.

Шел, говорил самому себе и себе же отвечал, усердно преображая монолог в диалог с внутренним собеседником.

- Мистер Вонг так говорит - кто-то должен отменить это чувство ложной победы, эту лживую зависимость. Не контролируемое аффективное волнение, вознаграждающее чувством вины, ощущением свободы и рабства одновременно. Ум человека, мужчины не способен осознавать свое предопределение, когда он отравлен опиумными токсинами страсти. И, в отличии от женщин, у мужчин абсолютно нет никаких механизмов способных уберечь от этого бессилия.

Очередной удар отправил в полет ярко-желтый кленовый лист, то, что не удалось шутливому ветру, поддавалось злой воле человека. У людей много получалось, когда того требовал прогресс, еще больше из-за злости.

- Да, мистер в черном прав: влюбленный мужчина немощен, беззащитен и инфантилен. Практически как младенец, улыбается в пространство, улыбается людям, а у самого мозги перемешались в крахмальный клестер. В самом деле, давно известно, что мозг любит твердую пищу, напряжение, тонкий нерв загадки. Но так получается, что любовь раскиселивает главную мышцу человека – ум. Здравый рассудок, понимание сути вещей, способность к анализу, все выброшено в мусор, хотя нас убеждают в обратном, убеждают в светлом и чистом чувстве. Но теперь вернее верного, именно сейчас, когда мистер Вонг показал ему, стало ясно – это всего лишь еще одна, не самая умная, попытка контролировать людей. Держать в узде и смешивать, чтобы получить однородную массу.

Детский радостный писк наполнил прохладный влажный воздух, добавил солнечных радостных нот в октябрьскую осень, но этого было слишком мало для того, кто лишился всего, так и не приобретя. Зимину не хватало воздуха для груди, которая, вопреки здравому смыслу, не желала раскрываться и впускать в себя весь объем окружающего мира, а только мелко подрагивала, вталкивая в изнуренный организм мелкие глотки кислорода. Во всем Петр Сергеевич испытывал недостаток, и оттого бесился еще больше. Ему нужно больше воздуха, больше пространства, больше чувств и Солнца, пусть и осеннего. Всего больше, а именно это ему никто не мог дать. Здесь никто не мог дать.

- А это значит, что если у меня не вышло, не вышло управлять отношениями лучше, чем у Светланы, а она оказалась в состоянии полностью подчинить волю, чтобы посмеяться над чувствами, то отплачу сполна! Всем им и ей, кто был настолько неосторожен, что посмел обличить мою слабость.

Он остановился перед лужей, созданной прочими силами природы, которые не подчинялись человеку, не подчинялись Зимину, и в этом он тоже видел укор. Меж разноцветных листьев, плавающих на водяной пленке, различил часть лица, в котором не узнал себя. Физио-

номия изувечена кривым перекосом цинизма и раздраженной ярости. Хоть что-то было в нем в таком достатке, что могло удовлетворить самолюбие.

- Мистер Вонг прав – сила в том, кто равнее прочих. И равенство среди равных такое дают только деньги. За деньги можно купить многое, а за много денег почти все. Страсть уж точно.

Удовлетворенно кивнул той мысли, что утвердила в правильности выбора, двинулся дальше, и даже недостаток кислорода не мог изменить расположенность к скорому будущему.

- Мистер Вонг говорит, что любовь — это ложь, причем не нас обманывают, а мы сами врем себе. Обманываться рады. А это, как минимум гнусно – мерзко и подло относиться к себе подобным образом. Нужно, нужно все контролировать, управлять своей жизнь, своими чувствами. Сохранять холодную голову.

И тут ему наконец-то удалось вздохнуть полной грудью. От переизбытка кислорода закружилась голова, и его почти это головокружение вернуло в верное русло. Но знакомая стальная рука не желала уходить, вернулась и надавила на ребра, сдавливая диафрагму, не впуская в организм живительный кислород.

- Да, за любовь лучше платить. Рассчитываться деньгами, а не своим эмоциональным здоровьем, и тогда, взамен, ты получишь еще и благодарность. Продажная любовь, которую так легко взять и передарить, чтобы забрать контроль над кем-то еще.

Шаг, еще шаг. Нарастающий темп и ширина, в волосах запутался осенний бриз, размотал челку, сбросил её на лоб.

- Да, взять и бросить, а еще лучше раздавить как ядовитую змею. Поступить также, как обошлись со мной: кинули, как собаке кость, ложную надежду, а потом, как распознал её сладкий вкус, отобрать.

Полы пальто распахнулись, пропуская к разгоряченному телу прохладный воздух, но Зимин не мерз, его начала устраивать прогулка.

- Поступить так жестоко, по-садистски могли только черствые, бессердечные люди. Ну, ничего, это всего лишь любовь, еще одна продажная вещь, у которой есть цена. Пусть не деньги, но это будет то, что можно оплатить за деньги, сторговать расположение, чтобы я смог его, это проклятое расположение вдавить каблуками в грязь.

Шаг, еще один, все быстрее и шире.

- Да, мистер Вонг прав, мистер Вонг прав! Нужно всем показать, насколько они лживы и двуличны. Открыть им самим глаза на то, как давно и глубоко эти порочные вруны тонут в скверности. Обличить их, и после, когда осознают бездну падения, помочь выбраться из нечистот, дать надежду, отмыть от гнусности, показать огромный светлый мир, и затем… Сунуть их туда же, откуда только вынули они свои головы, только глубже, чтобы нахлебались полным ртом!

Петр Сергеевич не устоял, сорвался с места и легкой трусцой побежал навстречу своему будущему.

- Да, мистер Вонг прав, во всем прав! – Дыхание не сбивалось, но и Зимин не особо стремился ускоряться, пока было рано. Пока рано. - Всего-то нужно дать мистеру в черном толику, крупицу, и тогда он поделиться властью. Передаст ему часть своего могущества. Обменяет то, что ему не нужно, на то, что у мистера Вонга предостаточно!

Теперь можно! Петр Сергеевич бросился вперед, не замечая, как встречный поток рвет пальто за полы, пытаясь остановить. Теперь поздно. Поздно останавливать то, что подобно прорванной плотине.

- Да, да. Так и будет. Так тому и быть!

Глава 1. Снежная Королева

Под июльским ультрамариновым небом Евпатории 1965 года, курортным городом, залитый жарким утренним крымским солнцем, по разогревающемуся асфальту медленно двигалась странная процессия. Впереди, вжимая голову в плечи, шагал в белом хлопковом костюме и шляпе на голове, академик Иван Иванович Артоболевский. За ним, тяжело переваливаясь на своих неуклюжих, колченогих ногах, брел бордово-красный автомат разлива газ-воды, непрезентабельно отдуваясь клубами дизельных выхлопов. И за ним, порой угрожающе близко к ногам зазевавшихся граждан, громыхала целая гурьба, никак не менее двадцати, подобных самоходных устройств – дизельные мороженщики, автоматы сладкой ваты, уборочные машины.

Академик был уже не молод, но и не страдал старческой рыхлостью в свои шестьдесят лет, старался держаться бодряком и следовать всем рекомендациям медицины. А доктора предписывали строго соблюдать режим, диету и сторониться стрессов. На Иван Ивановиче ладно сидел тот самый белый хлопковый костюм, свойственный всем партийным работникам,

отдыхающим на черноморском побережье, белая же легкая шляпа с закругленными краями и тесьмой, светло-серые сандалии на бежевые носки и номенклатурные наручные механические часы, доставшиеся ему за очередное достижение в механотронике и личной подписью большого партийного руководителя. Артоболевский был настроен серьезно и решительно посвятить сегодняшний день лентяйству, отдыху и купанию в лазурных волнах. Но, планам суждено было поменяться. Он снова оглянулся назад – дизельные автоматы не желали отставать, делая его персону слишком заметной среди зевак. Иван Иванович попытался отвлечься, и для этого обратил свой взор на другую сторону жизни праздной Евпатории:

А с той стороны вид был самый перспективный: парящие громкоговорители воспроизводили «Московские окна», а немного дальше, им подобные озвучивали новостную ленту знакомящую жителей Механополиса с достижениями страны и частных победах самого передового города планеты. Сводки звучали подобным образом:

«Внимание, товарищи! Говорит Информбюро Механополиса. Наши учёные совершили очередной прорыв — разработан новый сверхпрочный синтетмер для корпусов механоидов. Производительность труда на комбинате номер пять возросла на сорок процентов по сравнению с аналогичным периодом прошлого года. Слава советской науке!»

И они, эти новостные ленты, а еще песни, так полюбившиеся советскому человеку, всегда мотивировали к еще большим достижениям, что не могло не радовать и вызывало новые оправданные наплывы гордости за свою Родину.

В природе бушевал безудержный май, обещавший много, но всегда дающий больше. Начало лета. Сирень пышет цветом, небо – отчаянно бездонно-синий фон, растянувшийся от горизонта до горизонта. Желтый огромный блин солнца – еще не обжигает, но дарит ласковое тепло, не больше и не меньше. Умытый асфальт чернеет и лоснится будто ухоженный кот, люди на улицах сплошь улыбаются, радуются этому дню вместе с ним, а ему приятно делится с проходящими мимо своей радостью, в ответ отвечали тем же. В окне новой «пятиэтажки», на первом этаже, распахнуты ставни, белую узорчатую шторку треплет лёгкий ветер. Из окна тянет жаренной яичницей, кофе, сваренным на плите, и поет знаменитая Эдит Пиаф свой гимн. И он идет по улице новостроек, и подпевает вслед. И так хорошо, что хочется обнять целый мир. Как же ему повезло жить среди советских людей, в этой нескончаемой стране победившего социализма, всеобщего равенства и братства. С удовольствие затянул, вдыхая ароматы готовящейся еды и цветущий сирени:

Мы свой, мы новый мир построим,

Кто был никем – тот встанет всем!

А на зданиях, что новыми кварталами вырастали из благодарной послевоенной земли, расцветали красными лозунгами транспаранты, плакаты и баннеры, гласившие каждое свое:

«Науке — революционное направление!»

«Механоиды — на службу человеку!»

«Береги синтетмер! Экономь ресурс!»

Еще выше, метрах в двухстах над землей, парили в прозрачном небе промышленные кварталы, в которых размещались конструкторские бюро, инженерные цеха и сборочные линии механоидов. Следующим и крайним уровнем, располагавшимся на высотах от пятиста метров и до двух километров, медленно передвигались жилые и спальные кварталы, меж которых грациозно лавировали грузопассажирские дирижабли серии «Циолковский 2». А еще на жилом уровне, на недосягаемой для зевак глубине воздушного океана в четыре километра, парил целый остров со спиральной башней «Дворца Советов Механополиса», зданием в более пятидесяти этажей и знаменитым Красным Залом в центре.

Иван Иванович шел быстро и старался не оглядываться, даже на то, что его окликали, стремились привлечь внимание. Он догадывался, что цели были прежними – прохожие хотели,

чтобы он повлиял на ситуацию, или увел подальше странную процессию. Его шаги становились все шире и увереннее, а мысли приобрели некую стройность, шел и размышлял:

«Механоиды, воплощение передовой советской технологии, быстро появившейся после обнаружения и разгрома фашистской Базы 211 в Антарктиде и превращения её в секретную лабораторию, казалось, обрели некую форму оперативного интеллекта. Но, вместо того чтобы облегчать жизнь граждан повсеместно, они с непонятной привязанностью следовали за ним, академиком Артоболевским, специалистом по теории механизмов и машин. Иван Иванович испробовал всё – писал обращения в министерства, наведывался на заводы, но везде наталкивался на глухую стену: распоряжение свыше, его данные встроены в логику управления этих машин, и ничего поделать нельзя».

Прохожие быстро сменяли любопытство на раздражение, когда чудаковатые конструкции чуть не наступали им на пятки. А Иван Иванович спешил к пляжу, надеясь на то, что неповоротливые механизмы увязнут в рассыпчатом песке, и продолжал размышлять:

«В конце концов, была и польза. Где появлялся он, механизмы тут же приступали к своим прямым обязанностям, щедро и совершенно бесплатно раздавая холодную газировку, сладкую вату, мороженое. В такой зной, волнами накатываемый ближе к обеденному времени, у самого берега лазурного моря – это было спасение. Спасение, хоть и временное, было и у него – дети, увидев знакомые механизмы, радостно бросались им на встречу, тянули за руки непослушных, сопротивляющихся родителей, и радостно визжали от восторга, когда им доставались сладости в избытке и совершенно бесплатно. В тот же момент поднималось настроение и у родителей, правильно оценивающих выгоды. Выгода была и у Иван Ивановича, когда застревавшие в детских ручейках машины, были не в силах вырваться и безнадежно отставали.

Так они дошли до кромки песчаного пляжа. Впереди блеснула бирюзовая вода. Иван Иванович обернулся на ближайший, из самых настырных оставшихся трех, автомат – водораздатчик, тучный, пыхтящий.

А может, это и к лучшему? – пронеслось у него в голове. – Вот он я, и вот он, механоид с водой. Сейчас всем жаждущим будет счастье.

Автомат неожиданно остановился, ровно гудя своим дизельным сердцем, и больше не ощущая механической погони, остановился Артоболевский. Ему стало интересно и одновременно странное предчувствие чего-то нехорошего, наползло темной тучей.

Внезапно гул механизма изменился, становясь выше, неестественнее. Красные индикаторы на корпусе замигали хаотично, не подчиняясь привычному ритму работы. Раздаточный кран дёрнулся, будто пытаясь выгнуться в противоестественном направлении. А затем из скрытого динамика, который обычно мелодично объявлял о готовности налить воду, послышался чистый, холодный, абсолютно безэмоциональный голос, совершенно непохожий на привычные звуки машины, и тем более не похожий на человеческий. Голосом механического оператора машина произнесла:

Протокол Снежная Королева активирован. Объект: Артоболевский. Координаты 45.1800, 33.3600. База 211 требует подтверждения личности.

Автомат замолчал, но и не вернулся к своему обычному режиму, как того требовал алгоритм. Он просто стоял посреди пляжа, направив механический кран прямо на остолбеневшего академика.

Артоболевский аж ахнул от неожиданности, чего-чего, а вот такого он точно не ожидал. Нужно было срочно известить товарища Орлова — секретаря горкома, курирующего развитие Механополиса. Не хватало еще того, чтобы на предстоящем параде механоидов, посвященном достижениям Советской науки пошло что-то не так и случился непредвиденный сбой. Обычно подобные парады транслировались на весь мир, и допустить провала было никак нельзя.

Иван Иванович поискал взглядом телефонную будку, она оказалась совсем рядом, стоило только выйти с пляжа и пройти короткие тридцать метров по раскалённому асфальту к

углу кирпичного административного здания. Кинулся к ней, заодно шаря рукой по карманам в поисках двух копеек. Запыхавшись, подбежал, сунул монеты в приемник, судорожно стал крутить диск, набирая нужного абонента.

— Иван Иванович, дорогой, что случилось? – Рядом с ним завис белый, парящий в воздухе и наполовину растворяясь в ослепительных солнечных лучах, корпус механоида Кибернетик-М. Его две вытянутые руки-манипуляторы, снабженные пухлыми пальцами-присосками, вежливо сложены к корпусу, на черном маленьком полукруглом окошке улыбающаяся мор-

дашка прорисована тремя линиями: двумя дугами – улыбающиеся глаза и еще одна дуга — улыбка, что выдавало в нем готовность к диалогу. Механоид принадлежал к серии «Научный» и был послан кем-то из КБ-4, с очевидной целью найти его. Так уж совпало, что не только у оператора, находившегося «с той стороны синтетмерного помощника» было что сказать, у академика тут, видите ли, тоже ситуация. Артоболевский повесил трубку, судорожно провел ладонью по взъерошенным волосам.

— У меня «протокол Снежная Королева». – Сглотнув тягучую слюну, проговорил академик. – Дизельный раздатчик газводы мне это сообщил. Координаты местные.

Кибернетик как-то грустно повесил руки-манипуляторы, черный экран изобразил три нуля – крайнее изумление.

— И что сейчас с раздатчиком? – Вопрос прозвучал хоть и вежливо, но даже механический голос не смог спрятать волнение.

Артоболевский оглянулся на автомат, тот деловито пыхтел легким сизым дымком и изображал из себя крайнюю степень услужливости, раздавая на пляже нуждающимся сладкую газводу, и при этом весело распевая детские песенки. Казалось, что произошедшее стало следствием дурного сна, и даже тот факт, что он безнадежно увяз в песке не могло испортить хорошего настроения механизму.

— Пока без сбоев, все в допустимых рамках.

— И все же ничего хорошего. – Кибернетик нарисовал ладонь, лежащую на поверхности со стучащим согнутым указательным пальцем – кто-то на том конце раздумывал. – Хорошо, я высылаю за вами «Волгу». – Теперь Иван Иванович узнал кто это был, или был уверен в этом. Незнакомцем оказалась товарищ Лебедева — представитель ЦК КПСС по вопросам кибернетики. Ей удавалось оставаться так долго не узнанной лишь по той причине, что звуковой функционал мехатроника не разделял женские и мужские голоса. У летающего Кибернетика был один доступный голос – электронный, тот, что присвоили в КБ-1 Королева. Конструкторское бюро имени Королева, в основном, занимавшимся летательными аппаратами и аэромобилями, выпустил Кибернетик-М по инерции, или по ошибке, а возможно и то и другое. Механоид собрали из того, что осталось и что нужно было куда-то пристроить, чтобы сохранить драгоценные ресурсы синтетмера. И вот теперь, это инженерное недоразумение или гениальное изобретение – Артоболевский еще не определился, как относиться к механоиду, висел на уровне головы, и старательно изображал диалог между двух людей.

— Хорошо, жду. – Коротко отреагировал Артоболевский.

Кибернетик подобрал под себя длинные манипуляторы, потушил эмоциональные символы на электронном «лице», лишь три точки последовательно вспыхивали друг за другом, уведомляя об ожидании.

Академик отошел от телефонной будки, огляделся. День набирал силу, и полуденная майская жара нетерпеливо надвигалась полупрозрачной стеной марева на городские улицы, выжимая людей из зданий и помещений, выгоняя их к воде, на море. Работать становилось все сложнее, кроме, конечно тех несчастных, которых требовали производственные планы и карьерное честолюбие. Академику претило то и другое, ему посчастливилось иметь высокооплачиваемое хобби и свободное посещение, а главное трудовой заслугой стало то, в чем он был лучшим, а именно вычислительная техника, кибернетика и автоматизация процессов управления. И, хотя, когда-то давно, он начинал как специалист в области механизмов и машин, что, безусловно, потом ему сильно пригодилось при создании первых механоидов, переквалифицировался в профессионала кибернетики, как того требовал технологический прогресс Родины.

Переквалификация стала необходимой после того, как в пятьдесят седьмом, на антарктической, бывшей фашисткой базе 211, а ныне названной «Объект „Снежная Королева“, комиссар Сергей Владимирович Горюнов обнаружил биомассные цеха. Эти цеха предназнача-

лись для создания биоэлектрических механоидов нового поколения, еще не известных Союзу. Правда первые опыты в КБ-3 Горюнова, в настоящее время расформированной, привели к неконтролируемой мутации и гибели самого комиссара. И хотя смерть вызывала вопросы – ходили упорные слухи о чудесном воскресении, о чем распространяться было вовсе нельзя, факт смерти признали на официальном уровне.

Все же слухи было не остановить. Горюнова, после печальных событий на «Снежной Королеве», никто не видел, но все, кто был так или иначе связан с разработками Механополиса и работой сопутствующих КБ, слышали его, или похожий на его голос, в котором звучали наставления.

Поднялся сильный ветер, с неба, будто хищная птица, опускался автомобиль партийного черного цвета – наверху явно хотели выделить статус академика, хотя он и чурался чрезмерного внимания к своей особе. Открыл беззвучную тяжелую дверь, вошел вовнутрь, устроился. Аэромобиль легко взмыл ввысь, растворяя в толщине обшивки все наружные звуки. На перднем экране, элегантно встроенным в хром передней панели, зажглось точкой далекое пространство, после расширилось и раздвинулось полосой, а после и вовсе развернулось на весь экран. Изображение вещало Красный Зал, но, почти сразу, его заслонило лицо Лебедевой. Это была средних лет красивая женщина, в строгом деловом костюме бежевого цвета поверх белой сорочки, волосы аккуратно уложены в прическу, на лице дежурная улыбка красных губ, ресницы порхают черными бабочками, и если бы не её статус, то можно было ошибочно присвоит Лебедевой статус звезды эстрады.

— А вот и вы, Иван Иванович! – Улыбка красными губами стала шире, обнажая белые зубы. Эта улыбка, впрочем, не предвещала ничего обнадеживающего. – Как устроились? – Представитель ЦК КПСС по вопросам кибернетики не ждала ответа, стрельнула глазами вбок и затараторила словами, будто стреляла из пулемета. Скорее всего ей уже кто-то сверху накрутил хвост, хотя было сложно представить, кто бы мог настолько нервировать настолько высокого партийного начальника. – Впрочем, давайте сразу к делу.

Она так же резко, как и появилась, пропала с экрана. Вместо Лебедевой все место заняла вывеска, изображавшая льды Антарктиды, потом сменившаяся на кадры приземления самолета в непростые метеоусловия на бескрайней снежной пустыне. Голосом профессионального диктора потекло плавное пояснение о ежедневных подвигах полярников и необходимости освоения ледового материка. А после картинка резко сменилась на съемку темного помещения, в котором метались сумбурные тени, раздавились частые хлопки выстрелов, и дикие вопли боли и ужаса. Среди теней угадывался огромный лохматый силуэт какого-то чудовища, выкидывающий с молниеносной реакцией перед собой длинные суставные ноги. Вскоре академику пришло понимание, что этот монстр весьма похож на паука, хотя очень странного паука. Огромное насекомое отливало стальными бликами и ершилось в стороны острыми иглами-занозами. И он мог бы поклясться, что видел в некоторых лапах чудовища настоящие человеческие головы. Вновь раздались выстрелы, но они стали последними в этой сцене, а после экран и вовсе погас.

— Эта запись с камеры, которая последняя фиксировала момент нападения механического паука на Базе 211. В тот самый день погиб Горюнов.

«Ага, он все же погиб» — Подумал про себя Иван Иванович, при этом совсем не сознавая как относиться к этому факту.

— Через несколько дней нашей штурмовой группе посчастливилось отбить останки погибших и отогнать Склита, именно такое название стальному пауку дала группа, впервые обнаружившая его в тоннелях. Среди останков была голова Горюнова, её удалось сохранить, впоследствии мы внедрили его мозг в одного из механоидов. И все было вначале неплохо, пока

не выяснился факт о появлении альтернативной идеологии, не соответствующей официально утвержденному курсу. Главный постулат звучит так:

— Добиться «победы механического разума над человеком». Человеческая плоть несовершенна, и единственный путь эволюции — полное слияние с машиной.

— Ничего вам не напоминает? – Лебедева вновь появилась в центре экрана, но в этот раз её лицо выражало озабоченность. Артоболевский отрицательно помотал головой. – Ну, хорошо, — после некоторого раздумья, в течение которого она пристально вглядывалась в экран, видимо пытаясь сквозь него почитать истинные эмоции академика, моргнула и вновь стрельнула глазами куда-то вбок. – Мы думаем, что это инициатива Горюнова. – Она вновь пристально вгляделась в экран, но в этот раз этот взгляд был непродолжительным, алый рот не улыбался, не обнажал белые зубы, а ресницы более не порхали бабочками – Лебедева сама стала похожа на кобру, гипнотизировавшая жертву. – Но и это не все. Недавно нами был раскрыт секретный нижний уровень под улицами города, на глубинах залегания от пятидесяти до трехсот, а возможно и глубже, метров. На этом уровне располагаются лаборатории по скрещиванию ДНК человека с синтетмером. Наши бойцами секретной службы, без привлечения механизированной боевой колонны, были отбиты несколько залов верхних уровней. Первые открытия, сделанные во время осмотра помещений, действительно ужасают. Во-первых, уже тем, что КБ-3 Горюнова восстановлено и уже после этого первые встреченные нами уродливые гибриды вроде «Поглощенных», так мы назвали принудительно подключенным людей к нейросети комиссара, подтвердили самые страшные догадки о новой сущности Сергея Владимировича. Вам еще предстоит с ними познакомиться, но уверяю, зрелище не самое приятное. – В этот момент Артоболевский засомневался в целесообразности знакомства с мутантами. — Но, самое главное – немецкий код, существовавший на Базе 211, зафиксирован на нижнем уровне. Я о «Снежной Королеве». – Она вновь внимательно посмотрела в экран. – Но, что еще страннее, и мы пока не знаем, как к этому относиться, Вы упомянуты в строках этого кода.

— Я так понимаю то, что я услышал от раздаточного аппарата, было известно вам давно? – Артоболевский внезапно осознал, что брошен один на один со злой судьбой, замысла которой он пока не может осознать ввиду их масштабности.

— Да. — Это короткое подтверждение стало ударом грома посреди ясного неба для Ивана Ивановича. Щеки академика налились пунцовой тяжестью, покрылись ярким багрянцем от прилившейся крови. «Давление поднялось» — С беспокойством подумал он. – Вас ожидает встреча с товарищем Соколовой, она сотрудник госбезопасности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.